

АРУЕУ

Александр
ПРОЗОРОВ

Приец:

Аркантский
КОДУН

Молод Одина

Александр ПРОЗОРОВ

Яриец:

Книга вторая

Молод Одина

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Ариец. Книга вторая. Молот Одина : [фантастический роман] / Александр Прозоров. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Ариец).

ISBN 978-5-699-90459-4

Викентий, за любовь к скандинавской мифологии прозванный среди реконструкторов Одином, с детства ощущал в себе странности. Он был сильнее, быстрее, выносливее всех друзей, а любые царапины на нем заживали буквально на глазах. Викентий был доволен своими суперспособностями, но тайна их происхождения не давала ему покоя. Он и не подозревал, что скоро ему придется узнать эту тайну, правда, для этого придется перенестись на сто поколений в прошлое. Ведь божеству древних славян Сварогу нужны могучие колдуны и воины, чтобы они могли сразиться с полчищами оборотней и самой Табити — змееной богиней скифов...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90459-4

© Прозоров А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

Тесовая дверь распахнулась, и в просторную горницу, деревянный потолок которой подпирался в центре толстым резным столбом, а бревенчатые стены закрывала темно-бордовая кошма, вбежала пожилая женщина в изрядно потертом сарафане из тонкой сыромятной кожи, с серебряными кольцами на висках и в легкой шапочке с наушами, из-под которой падала на спину толстая, но уже почти седая коса.

— Богиня, Репка-свечница утопилась!

Сидящая на высоком кресле Макошь, молодая карглазая и круглолицая женщина, чью голову венчал усыпанный жемчугом кокошник, а крупное тело плотно облегалая мягкая бирюзовая замша, лишь на плечах замененная шелковистым мехом песца да прикрытая россыпью золотых пластин на груди, резко поднялась, взмахнула рукой:

— Ступайте! — и стремительно скрылась в дверце возле трона.

Мелкие седовласые старушки вострухи — духи-защитницы дома — мигом попроваливались сквозь плотно сбитые доски пола. Остальные оставшиеся в комнате женщины неуверенно переглянулись.

— Чего там, Ласточка? — спросила одна.

— Потом! — отмахнулась тревожная вестница и нырнула вслед за повелительницей.

Макошь миновала одну светелку, другую, повернула и оказалась в комнатенке, единственным украшением которой было огромное — в рост человека — овальное зеркало из черного, как ночь, обсидиана. Богиня на миг замерла, чуть приопустив веки, потом вдруг резко наклонилась вперед, погрузив обе руки и голову в полированный камень, тут же откинулась назад — и выдернула из черноты девушку в мокром платье.

Ее добыча распласталась на полу, натужно кашляя. А Макошь невозмутимо сняла кокошник, внимательно осмотрела его, что-то сдула, пригладила волосы, стряхнула с ладони несколько капель:

— Хорошо... Почти не намокла. — Она вернула украшение обратно, с некоторой брезгливостью глянула на распластанную жертву, кивнула: — Сказывай, Ласта...

Имя Ласточка, данное когда-то маленькой девочке, а ныне пожилой вестнице, и вправду уже давно не подходило. Посему служанка никакой обиды на снисходительное прозвище не выказала, торопливо заговорила:

— В людской мы были, богиня... Ну, поручения нам раздавать стали... К свадьбе готовиться то есть. Репа же, смотрю, руки к губам вскинула, и глаза намокли. И зараз: шась к дверям! И слышно — побегла. Мне сие странным показалось, я из людской вышла да на башню привратную поднялась, к караульным. Оттуда, знамо, весь двор виден. Глянь, а она не к себе в мастерскую, а за стену выскочила и к реке. И с мостков, с коих белье полощем, в воду кинулась! Коли в

одежде-то, так, знамо, не купаться? Там, правда, мелко, по пояс. Она дальше к стремнине пошла, на глубину. Я же к тебе...

— Ты молодец, Ластва, я тобой довольна, — величаво кивнула Макошь. — Коли спросит кто, отвечай, что я тебя сюда не впускала и о судьбе служанки сгинувшей ты ничего не ведаешь.

— Воля твоя, богиня, — склонилась в низком поклоне женщина, вышла из комнаты, притворила за собой дверь.

А правительница поджала губы, снова опустив взгляд на лежащую перед ней мокрую девушку.

— Значит, при известии о свадьбе моего сына ты решила утопиться? — задумчиво произнесла она. — Интересно, как ты выражаешь радость за своего господина!

Богиня толкнула тяжело дышащую жертву ногой в плечо, опрокидывая на спину, погладила ладонью себя по волосам, вытянула из-за спины косу, сняла вплетенную в ее кончик жемчужную нить, повесила ее на средний палец раскрытой правой ладони, провела над телом. Возле низа живота нить крутанулась.

— Какая невероятная преданность, Репа! — покачала головой Макошь. — Посвятить моему сыну всю себя без остатка. И как давно вы с ним совокупляетесь?

— Прости меня, великая богиня... — прошептала девушка.

Правительница провела над ней ладонью еще раз, покачала головой:

— Нет, распутница, простым прощением ты уже не обойдешься. Вставай!

Служанка поднялась. Замерла, понутив голову. Выглядела она довольно жалко: сарафан обвис, по все-

му телу налипла ряска, на ногах повисли водоросли, в волосах запутались какие-то букашки. Ни дать ни взять — утопленница, вылезшая в лунную ночь погреться о живую плоть. Богиня протянула руку в ее сторону, резко сжала пальцы. Девушка охнула, застонала. Ее ступни оторвались от пола, и теперь несчастная растерянно перебирала руками и ногами в поисках опоры. Макошь взмахнула рукой, отправляя ее в зеркало, и тут же нырнула следом сама.

По ту сторону вулканического стекла обнаружилась каменная прогалина, окруженная многовековыми соснами. Деревья стояли редко, и между стволами, в какую сторону ни посмотри, можно было различить только воду. Они находились на острове.

— Ты хочешь заточить меня здесь, богиня? — зябко поежилась девушка.

— Вижу, ты набралась храбрости, моя маленькая Репка, — скривилась правительница. — Смеешь задавать вопросы своей госпоже?

— Если я все равно умру, чего теперь бояться?

— Ты не умрешь, — покачала головой богиня богатства. — И не вздумай броситься со скалы! Я упрежу Мару, что не желаю твоей смерти, и она не примет твою душу. Ты все равно останешься жива, но в искаленном теле.

— Это моя кара, богиня? Вечная жизнь?

— Хватит стенать, Репка, — поморщилась Макошь. — Ты станешь смотрительницей в моей священной роще. Вернее, в моем священном лесу. На моем священном острове. Это озеро Нево, любимое штормами, самая его середина. Здешние острова — это просто скалы, с воды на них не забраться. Но пригляд все

же надобен. Мало ли что? Не хочу ощутить, как погибают мои олени.

— Но как здесь можно жить? — неуверенно переспросила служанка.

— Зенка считает, что неплохо, — одними губами улыбнулась женщина. — Вон она идет!

На тропе показалась фигурка в меховом плаще с капюшоном. По мере приближения стали различимы черты лица маленькой морщинистой старушки, которую можно было бы принять за воструху или травницу — да только духи домов и леса никогда не стареют, а духи полей никогда не мерзнут.

— Рада видеть тебя, сестра! — без особого преклонения поздоровалась с богиней старушка и сложила ладони на животе. — Что-то одета ты невместно, не по нынешней погоде.

— Я ненадолго, сестренка. — Макошь толкнула девушку вперед: — Вот, прими, к делу приставь. Здесь она себе всяко лишнего не позволит.

— Великие небеса, да ты же вся мокрая! — всплеснула руками Зенка. — Беги в избу, девка, а то простудишься! Вон, вниз по тропе, там увидишь. Одежку свою там сразу сбрось да в одеяло завернись и на печь забирайся. Поутру топила, еще горячая.

Два раза повторять не пришлось — порядком озябшая Репа припустила в указанном направлении.

— Я хочу, чтобы она была в тепле, в сытости и родила здорового мальчика, — тихо распорядилась гостя. — Однако спуску ей не давай. Пусть не догадывается, какую ценность для меня представляет.

— Она зачала от бога? — сразу сообразила смотрительница роши.

— В нашем роду с каждым поколением рождается все меньше и меньше детей, — вздохнула правительница. — Ребенок, появившийся у братьев или сестер, вызывает уже не отраду, а зависть и беспокойство. Тем более — мальчик. Не хочу, чтобы о малыше этой сомлевшей пред господином дурочки узнали другие семьи. Мало ли что? Здесь же она будет в безопасности.

— Дети смертных чаще всего рождаются без дара могущества, сестра. Посмотри на меня. Я есть простая смертная. Хотя у нас с тобой общий отец.

— Я не жду от глупышки многого, Зенка, — пожалала плечами богиня. — Но ведь случаются и потомки, превосходящие отцов! Узнаем, когда родится.

Макошь обняла старушку, повернулась ко вмурованному прямо в скалу высокому обсидиановому зеркалу и шагнула в его черноту.

В зеркальной светелке правительницу уже ждали. Суетливая воструха, ростом немногим выше пояса хозяйки, наряженная в расшитое костяными шариками платье, несколько раз торопливо поклонилась:

— Ладыя по Сухоне поднимается, богиня, с крестом алым на парусе и песьей головой на носу. Вестимо, гости с Двины.

«Интересно, отчего вострухи всегда старые и морщинистые, но дряхлыми никогда не бывают? — подумалось Макоши. — Они словно сразу рождаются древними в темных углах и подклетьях новых домов, со временем становясь лишь крепче. Неужели молодеют? И обретают юность лишь тогда, когда избы начинают ветшать?»

— Вот-вот до причалов доберутся, богиня, — тревожно зашевелила губами воструха. — Велишь встретить?

— Крест и песья голова? С Двины? — переспросила Макошь. — Не иначе Стрибог с Немизой явились. Братик не любит ходить через зеркала, вольный воздух для него милее дома. Проверь, готовы ли их светелки? Пойду обниму родичей на причале.

И женщина решительно толкнула створку дверей...

Дворец великой богини, хозяйки Вологды и Славянского волока, повелительницы богатств и доходов, сильно отличался от домов обычных славян. Если простые смертные жили целыми поселками в одном или нескольких длинных бревенчатых домах, вовсе без окон и с одним очагом на всех, с земляным полом, застеленным лапником и шкурами, — то хоромы Макоши возвышались на каменной подклети и поднимались аж в три жилья — одно поверх другого. Слюдяные окна были окружены резными наличниками, крышу в два слоя покрывал толстый тес, черный от пропитавшего древесину дегтя; ступени, резные столбы и поручни высокого крыльца отливали желтым блеском от нескольких слоев олифы, закрывавшая стены чешуя остроконечной драки была крашена в разные цвета и придавала дворцу радостный вид.

Обычные смертные топили дома по-черному, костром в очаге — дворец же обогревался горячим воздухом, идущим по коробам от подклети с большой печью; обычные смертные прятали хлеб, ячмень, овес в тайных глиняных ямах — а у богини все это хранилось в высоких амбарах. Смертные сберегали репу, свеклу, морковь в буртах — на дворе Макоши для всего этого имелся погреб; обычные славяне солили мясо в бочках, вялили и лишь на зиму морозили в корзинах — у

богини же был выкопан ледник, сохраняющий продукты свежими в любую жару.

Все сие богатство хранила от опасностей высокая, в четыре человеческих роста, крепостная стена с четырьмя смотровыми башнями, окружающая дворец и все его амбары, мастерские и склады.

Многочисленная дворня богини жила побогаче простых смертных. Составленная из крепких рубленых клетей крепость имела достаточно комнат, чтобы каждая семья могла занять свою светелку. В Вологде только юные слуги да старые девы и одинокие бобыли жили в общей на всех людской, завидуя любящим парам, давшим друг другу клятву верности. Надежная стража, крепкие стены и близость могучих богов даровали безопасность, а обширные погреба и амбары позволяли не знать голода. Посему больше всего на свете обитатели Вологды боялись прогневать Макошь и быть изгнанными в обычную, бедную и голодную жизнь — и их преданность и услужливость правительнице воистину не знали границ.

— Хорошего дня тебе, богиня! Радости и мудрости, богиня! Здравия тебе и счастья, великая Макошь! — Дворня, бросая все дела, издалека кланялась своей повелительнице. — Долгие лета!

Хозяйка Вологды — статная и широкобедрая, высокая, белокожая, с толстой русой косой, осыпанная жемчугом и золотыми пластинками, с окрашенными в золото длинными ногтями, — уверенным шагом прошла через двор, миновала распахнутые ворота, спустилась к реке, ступила на причал, набранный из полутеса. И поспела как раз к тому моменту, когда к причальным быкам подвалила огромная — никак

не меньше полусотни шагов в длину и двух десятков в ширину — расписная крутобокая ладья. Еще до того, как проворные корабельщики успели сбросить сходни, в воздухе мелькнула неясная тень, в лицо правительницы ударил ветер, и перед Макошью возникла совсем еще юная пара.

Все богини славян пребывали в состоянии вечной молодости, а боги — мужской зрелости. И только Стрибог выбрал для себя безусую юность, представляя перед людьми в облике розовощекого кудрявого паренька. Супруга повелителя ветров была ему под стать — тоже курчавая и светловолосая, голубоглазая Немиза выглядела лет на шестнадцать, не более. И кто бы мог подумать, что за минувшие полтора столетия она успела родить мужу аж троих сыновей?

«Трое сыновей и ни единого внука...» — мысленно уточнила Макошь, широко улыбнулась и раскинула руки:

— Рада видеть тебя, брат мой!

— И я соскучился по тебе, сестренка, — обнял богиню юноша. — Надеюсь, мы тебя не очень стесним?

— Ну что вы, какое стеснение... — тихо засмеялась Макошь, отпуская Стрибога и обнимая его жену. — Гостиам я всегда рада, да токмо родичи завсегда лишь на самое торжество через зеркало являются, а ночевать через него же домой сбегают. Так что комнаты токмо вам да Трояну надобны. Он тоже с зеркалом не в ладах.

— Да, забавно. — Стрибог издал короткий смешок. — Повелитель времени и пространства никак не научится оное пространство одолевать. И где он ныне?

— В святилище. Возносит молитву сам себе, — ответила богиня и отступила. — Чем удивляешь в сей раз? Сказывай сам, все равно ведь не догадаюсь!

В отличие от прочих сварожичей Стрибог любил путешествия в дальние неведомые края и возвращался неизменно в странных одеждах из неизвестных материалов. Вот и сейчас он был в длинной, очень тонкой и белой рубахе, из-под которой выглядывали заправленные в сапоги штаны, а Немиза — в платье, собранном из тонких алых нитей.

— Рубаха из египетского льна, штаны из кашмирской шерсти, платье же из крапивных нитей, — с удовольствием поведал вечный странник. — В жаркую погоду сии тканые наряды куда приятнее наших кожаных...

Однако поболтать вдосталь хозяйке с гостями не удалось. К причалу подбежала великовозрастная Ласточка, сообщила:

— Шум в светелке зеркальной, богиня!

— Прости, брат, нужно встречать гостей, — виновато развела руками правительница и направила палец на служанку: — Проведи гостей в их покои, Ласта, и останься при них, выполняя все пожелания. Дозволяю тебе повелевать от моего имени, коли в сем возникнет нужда для твоей службы.

— Благодарствую за доверие, богиня, — склонила голову женщина.

Макошь не ответила, торопясь обратно в крепость. Быстро поднявшись по крыльцу, она пробежала через нарядные горницы — и в комнате с тронем застала сразу нескольких гостей: тощего огненно-рыжего Хорса с густой и курчавой русой бородкой и низкорослого рыжебородого крепыша Перуна, бреющего голову наголо, могучего Даждбога в выбеленной куртке и штанах, превышающего всех вокруг на голову, а ря-

дом — круглолицего смешливого Коляду, лохматого и седобородого. Жены гостей — пышнотелая Додола и стройная большеглазая Жива, смуглая бледногубая и тонконосая Среча, угрюмая Карна уже успели затеять о чем-то горячий спор, сути которого хозяйка уловить не успела.

— Прощу простить, что с запозданием... — начала было Макошь, но дверь возле трона распахнулась, в комнату ввалился Похвист, белокожий и совершенно седой, с белой бородой, одетый в плотно облегающую грудь кожаную кирасу и толстые штаны из серого войлока.

— Нешто с поля брани? — удивился Перун.

— Насилу волков от Бярмы отогнали, — вздохнул сын Стрибога.

— А чего меня не позвали? — возмутился рыжебородый.

— Кабы знать, что кинутся, всех бы собрал...

И опять распахнулась дверь, впуская остроносого мужчину с черными глазами и ярко-пунцовыми большими губами, чернобородого и черноволосого. Следом скользнула женщина в длинном черном сарафане, очень похожая на спутника, но все черты ее лица были куда тоньше и острее. Тонкие пунцовые губы, узкий подбородок, точеный нос, собранные в косу смолистые кудри. Карачун и Мара, бог зла и богиня смерти.

— Мои поздравления, великая Макошь, — склонил голову Карачун. — Свадьба сына — это важный день для любой матери. А почему я не вижу твоего супруга, премудрого Волоса?

— Он на наволоке, за городом, — ответила хозяйка. — Готовит пир для смертных и развлекает скиф-